

Анджей Эмерик Маньковски, Сергей Котелко

Одиссея доктора Маньковского

История скрывает от нас еще достаточно много интересных имен, которыми мы вполне могли бы гордиться. Одно из таких имен – Александр Федорович Маньковский, профессор Новороссийского университета, предшественника нашего нынешнего университета. Поляк из Подолии, выдающийся русский ученый и педагог, белорусский эмигрант, знаменитый болгарский ученый и менеджер от науки – все это в равной степени можно сказать об Александре Маньковском. В этом очерке мы предлагаем читателям выдержки из биографии Александра Федоровича, составленной его дальним родственником

Профессор А. Ф. Маньковский

Анджеем Эмериком Маньковским (Варшава) на основании не опубликованных ранее материалов и архивных документов Санкт-Петербурга, Киева и Софии, а также семейных воспоминаний.

Будущий профессор Александр Федорович Маньковский родился 15 апреля 1868 г. в Ольвиополе* Елисаветградского

* Ольвиополь – прежде (до 1920 года) название части города Первомайска, ныне города в Николаевской области Украины, расположенного на левом берегу реки Южный Буг. Елисаветград – ныне Кировоград.

уезда Херсонской губернии. В дальнейшем семья переехала в Бендеры, где в 1877-1881 гг. Александр Федорович учился в уездной школе, которую окончил с одной четверкой в свидетельстве об окончании школы, а начиная с 1883 г. поступил в Первую кишиневскую гимназию и завершил обучение в 1889 году с серебряной медалью.*

В рекомендации для поступления к экзамену на аттестат зрелости подчеркивалось, что во время обучения он имел «отличное поведение, посещение уроков исправное, был всегда внимателен, с особенным интересом занимался всеми предметами».** Характеристика, выданная после окончания гимназии, указывает, что из-за отсутствия средств он вынужден был «содержать себя уроками и благодаря своему трудолюбию при не бойких способностях принадлежал к лучшим ученикам своего класса. В нравственном отношении был всегда безупречен, нрава тихого и спокойного, по характеру флегматичный и застенчивый»***.

Отец профессора Александра Маньковского Федор (Теодор) Маньковский родился около 1830 года и жил на территориях Речи Посполитой, которые в конце XVIII века вошли в состав Российской империи. Все указывает на то, что он был дворянином, хотя не подтвержденным герольдией,**** и в семейной традиции сохранилась память о причислении этой ветви Маньковских к гербу Ястржембец. Прошение с просьбой принять его сына Александра в Третью кишиневскую гимназию Федор Кондратович Маньковский подписывает «дворянин Маньковский»*****. Однако доказать свое дворянское происхождение

* Arhiva Nationala Moldovei (далее: НАРМ), ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 32 об. и 145.

** Там же, ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 13.

*** НАРМ, ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 51 об.

**** После III раздела Польши, между Австрией, Пруссией и Россией, указом от 21 апреля (3 мая ст. ст.) 1795 г. Екатерина II приказала расширить привилегии шляхты, установленные в 1785 г. «на все земли и районы Польшей Империи нашей возвращенные». Дворянские привилегии были предоставлены исключительно лицам, занесенным в родословные книги дворянства, установленные для каждой губернии. В эти книги вносились лишь те лица, которые сумели подтвердить свое шляхетское происхождение.

***** НАРМ, ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 144. В списке учеников, приступающих к экзамену на аттестат зрелости (1889), Маньковский также выступает как «сын дворянина».

дение Маньковские не смогли и с формальной точки зрения имели низкий общественный статус. Так, в формулярных списках брата профессора Александра Федоровича указаны как «крестьяне» или «поселяне», хотя, конечно, таковыми они не были, принадлежа скорее к так называемым «разночинцам».

На основании информации о местах рождения сыновей Федора Маньковского можно восстановить судьбу его семьи. В 1868 году семья жила в городе Ольвиополь в Херсонской губернии на границе с Подольем; в начале 70-х годов XIX века – в селе Петничаны в Винницкой области Подольской губернии, в последующие годы (начиная с половины 70-х) – в Бендерах (либо по соседству) в Бессарабской губернии. В каждом из перечисленных населенных пунктов находились какие-либо небольшие производственные предприятия – кирпичный, винокуренный, сахарный и др. заводы. На основании проведенных исследований можно предположить, что Федор Маньковский служил приказчиком или управляющим какого-то завода, либо инженером или квалифицированным заводским рабочим. Материальный статус семьи Маньковских (отсутствие земельного владения) способствовал тому, что молодое поколение поступало на государственную службу. С большой вероятностью можно предположить, что мать Александра Маньковского довольно рано осталась вдовой. Жизненным решением, часто связанным с воспитанием сыновей вдовами, был выбор для них военной карьеры и их бесплатное обучение в юнкерских училищах – так произошло и в случае как минимум четырех братьев Александра.***** Выбор профессиональной карьеры в армии давал шляхетским семьям возможность сохранить предыдущий общественный статус.

После окончания гимназии Александр Маньковский поступил в университет св. Владимира в Киеве, где в 1894 г. по-

***** Существует немало доказательств тому, что многие молодые поляки вступали на армейскую службу из-за отсутствия средств на дальнейшее образование, это относится в особенности к сыновьям вдов. См.: Piotr Stawecki, *Rodowód i struktura społeczna korpusu oficerskiego Drugiej Rzeczypospolitej. Studia i materiały do historii wojskowości*, т. XXIII, Warszawa, 1981, s. 231-235, а также: Tadeusz Radziwonowicz, *Polacy w armii rosyjskiej (1874-1914). Studia i materiały do historii wojskowości*, т. XXX, Warszawa, 1988, s. 209-226.

лучил диплом врача с отличием. Во время учебы в течение четырех семестров работал в лаборатории общей патологии, руководимой выдающимся ученым – профессором медицинских наук Владимиром Валерьяновичем Подвысоцким.

Еще до окончания учебы «студент-медик» Александр Федорович Маньковский участвовал в борьбе с эпидемией холеры в Бессарабии – в Аккерманском (1892) и Бендерском (1893) уездах. Накопленный опыт привел его к написанию первой очень интересной научной публикации «Краткий отчет о результатах командировки в Бендерский уезд».* Это очень интересный труд, на примере которого можно узнать о работе земских врачей в России, состоянии и методах организации здравоохранения и отношении населения к врачам. Вот небольшой отрывок:

«Уездная управа сообщила мне, что ввиду существования эпидемии брюшного тифа в с. Томай мне необходимо отправиться в 4-й медицинский участок для борьбы с тифом. [...] Поручено было обратить особое внимание на «гигиенический уход за больными и питание их», для каковой цели поручено мне было урегулировать довольствие больных тифом. 22-го мая я прибыл в м. Комрат и явился к участковому врачу г. Снитовскому для того, чтобы сообща с ним составить план правильного довольствия больных. Затем мы оба, взявши из Комрата мяса, хлеба, крупы и коньяку отправились в с. Томай, чтобы на месте решить окончательно вопрос о правильном довольствии больных. [...] Поселившись в с. Томае, я, прежде всего, постарался познакомиться с больными, с их бытом, обстановкой, материальным положением и привычками, для того чтобы подходящим образом вести лечение и питание больных. Это было для меня довольно трудно, так как ни я, ни фельдшер Валовац не были знакомы с турецким языком, на котором говорит население Томае, и в большинстве случаев переводчиком служил фельдшер Ганчогло, гагауз по происхождению, который не всегда охотно и не особенно точно, как я убедился впоследствии, переводил мои расспросы. [...]

---

* Отчет по делегации для борьбы с холерой. Врачебная хроника Бессарабской губернии. Краткий отчет о результатах командировки в Бендерский уезд. Киев, 1893, с. 13-25.

Довольствие больных на первое время представляло некоторые затруднения: роздано было 1½ пуда мяса больным, и все это оказалось на другой день выброшенным вон, так как больные не хотели есть скоромного по случаю Петровского поста. Я обращался за содействием к местному священнику, но он мне ответил: «ничего не поделаете; скоромного есть они не будут; уж я их сколько уговаривал, – не хотят». Об этом я написал г. Снитовскому, прося его не присы[ла]ть более мяса, а деньги, предназначенные для этого, обратить на покупку чаю и сахару для больных. Вместо коньяку я предложил д-ру Снитовскому покупать вино для больных тут же в с. Томае у одного из жителей, который по моей просьбе согласился отпускать прекрасные «выморозки» по 2 рубля за ведро. В дальнейшем довольствие больных производилось так: каждый больной получал ежедневно по 1 фунту белого хлеба, по 2 столовых ложки крупы манной или перловой, по ½ чайного стакана вина, по ложечке чаю и по 3 куску сахару. [...] Выдача продуктов больному прекращалась лишь после того, как он мог отправиться на полевые работы (прашевку кукурузы)».

Примерно в это время Александр Федорович защитил диссертацию на тему «К микрофизиологии поджелудочной железы»; ему была присвоена степень доктора медицины.

После окончания учебы в университете в Киеве, в 1894 году Маньковский исполнял должность земского врача Бендерского уезда, так как из этого уезда он получал научную стипендию. В 1895 году профессор Подвысоцкий предпринимает новый общественно значимый проект – организует журнал «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии». Маньковский принимает активное участие в создании журнала. Начиная с 1897 года он был сотрудником и секретарем ежемесячника.

Профессор Подвысоцкий, рекомендуя Маньковского министру просвещения графу Ивану Давидовичу Делянову в 1897 году, писал: «Во время учебы А. Маньковский был одним из самых прилежных молодых людей. Он всегда обнаруживал стремление к занятию наукой; не имел, однако, средств к жизни и должен был сделаться земским врачом по окончании университета, служил

земским врачом 3 года в Бендерском уезде, от какого уезда получал стипендию, будучи студентом. В настоящее время, собрав небольшие средства и увлекаемый жаждою научной работы, оставил земскую службу и работает в моей лаборатории, где работал и раньше как студент».* Письмо это было написано для преодоления порядка, существовавшего в те времена. После двух польских восстаний 1830 и 1863 годов поляки, практически все исповедовавшие католицизм, не попадали под определение благонадежных, их продвижение по карьерной лестнице было сопряжено с трудностями – были введены квоты на принятие католиков на госслужбу. Профессор Подвысоцкий, сам православный, пытался помочь своему молодому коллеге и устроить его на имеющуюся вакансию на должность помощника прозектора на возглавляемой им кафедре. В письме к министру просвещения он просил о снятии этого барьера: «к утверждению д-ра Маньковского на эту должность встречается роковое препятствие в его католическом исповедании. ...беру на себя смелость почтительнейше просить ваше сиятельство низойти на мою покорнейшую просьбу и не в пример прочим разрешить, а если бы то оказалось необходимым, повергнуть к стопам его императорского величества мою всеподданнейшую просьбу о разрешении на избрание медицинским факультетом университета Св. Владимира сказанного д-ра Маньковского на должность помощника прозектора при моей кафедре. Д-р Маньковский хорошо известен мне лично и принадлежит к числу самых благонадежных молодых людей; он уроженец Бессарабской губернии, ничего общего с польской национальностью не имеющий, родители и предки его издавна жители Бессарабии и бывшей Молдавии и Валахии».

Привожу эту переписку с целью показать, как молодого студента ценил выдающийся ученый Подвысоцкий, и что для преодоления подобных проблем необходима была помощь самого министра. Впрочем, не только министра – позже в дело вмешался и киевский генерал-губернатор граф Игнатъев! Вопрос решился положительно – сложно, но, как видим, власть предрержащие могли поступиться принципами на пользу науке.

---

* РГИА, ф. 733, оп. 150, д. 1363, л. 28-30.

Пока идет эта переписка с высшими инстанциями, Александр Федорович Маньковский под руководством Подвысоцкого занимается важной научной работой – изучает надпочечные железы и проводит микроскопические и физиологические исследования островков Лангерганса в панкреасе. В 1896 году В.В. Подвысоцкий рекомендовал хирургам при остановке сердца во время хлороформного наркоза вводить вытяжку из надпочечников. Александр Федорович продолжил исследования в этой области и в 1897 г. опубликовал две свои работы, в которых посредством проведенных опытов на животных указал лечебное действие экстрактов надпочечных желез. А в 1898 году, инфузируя надпочечники, он сумел выделить обладавшее биологической активностью вещество, которое назвал «надпочечниковым стимулином». Но, как это не раз бывало с русскими учеными, изобретение не было должным образом оформлено, а технологию получения активного вещества, его химическую формулу через три года описал и запатентовал совсем другой – работавший в Америке доктор Йокиче Такаmine. Название этого вещества теперь известно всем – *адреналин*.

У Александра Федоровича сложились теплые и дружеские отношения со своим учителем В.В. Подвысоцким. Часто, придя в лабораторию, они вместе со всеми, кто работал в лаборатории, завтракали, сварив картошку в автоклаве и запивая ее «жидким и, правду сказать, не отличавшимся приятным вкусом «лабораторным чаем».

В январе 1899 года А.Ф. Маньковский вместе с И.В. Троицким, О.З. Лазаревым, Г.Ф. Писемским и другими известными врачами и учеными вошел в состав группы, обратившейся в медицинский департамент министерства внутренних дел с просьбой об открытии Киевского общества детских врачей. Разрешение было получено, и в марте 1900 года утвержден устав общества, цель деятельности которого звучала так: «Служить успехам педиатрии и товарищескому сближению врачей, занимающихся этой отраслью медицины». Первое научное заседание общества педиатров состоялось 29 сентября 1900 г.

Развитие медицины не могло обойти такой город, как Одесса. Назрела необходимость создания здесь медицинского центра. В 1900 году профессора Подвысоцкого пригласили в наш город для создания при Новороссийском университете медицинской кафедры. Для помощи в этом деле Подвысоцкий пригласил и Маньковского. В 1900 г. Александр Федорович Маньковский вслед за своим учителем переехал из Киева в Одессу.

В Одессе Александр Федорович прожил около 20 лет и оставил большой след в истории медицинского образования в нашем городе. Он был одним из создателей того, что сейчас называется Одесским национальным медицинским университетом.

Его первой должностью в Одессе была должность доцента кафедры гистологии Новороссийского университета. В 1902 г. он назначается экстраординарным профессором кафедры гистологии и эмбриологии Новороссийского университета.

В Главном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранилась датированная 1903 годом переписка Маньковского с надзирателем Одесского научного округа относительно его заграничной командировки с целью ознакомления со способами преподавания гистологии и эмбриологии в зарубежных вузах.*

1 января 1904 года ученые заслуги Александра Федоровича были отмечены в Петербурге – ему был пожалован орден Св. Анны II степени. В университете он числился экстраординарным (внештатным) профессором.

К заявлению от 1904 года относительно назначения Маньковского на должность ординарного профессора Новороссийского университета были добавлены резюме и список опубликованных им 18 научных трудов (на русском, немецком и французском языках).**

---

* РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 201, л. 216-217. Ср. Ю.Н. Сухарев, Материалы к истории русского научного зарубежья. Именной список русского научного зарубежья, 2002.

** РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 201, л. 217.

К середине 1900-х гг. Александр Федорович уже пользовался достаточным авторитетом в университетской среде Одессы и был избран товарищем председателя комитета благотворительного Товарищества столовых для студентов из несостоятельных семей.*** В формулярном списке о службе от 1 августа 1904 года записан как римский католик, декларирующий происхождение из дворянства Бессарабской губернии, кавалер ордена Св. Анны II степени, с жалованием 2000 рублей в год, не обладающий недвижимостью, женат на Юлии Ивановне (девичья фамилия неизвестна. – А. Е. М.), имеет дочь Марию, 12 августа 1898 г. р.; жена и дочь – православного исповедания.****

Нормальную преподавательскую и административную работу нарушает революционный 1905 год. Студенчество было одним из самых активных проводников революции. Во всех учебных заведениях Российской империи проходят выступления и забастовки. Не стал исключением и Новороссийский университет, превратившийся в один из центров революции в Одессе. Обстановка здесь была очень сложной. Медицинский факультет стремительно размежевался на «правых» и «левых». А.Ф. Маньковский оказался в лагере «правых», в отличие от большинства своих коллег, увлекшихся «либеральными началами», среди которых оказался и его учитель и наставник Владимир Валерьянович Подвысоцкий. Кто из них оказался прав в итоге, рассудит история, но на этой почве между когда-то близкими по духу людьми сложилось взаимное неприятие. Вскоре, в том же 1905 году, Владимир Валерьянович Подвысоцкий получил приглашение занять пост директора Петербургского института экспериментальной медицины, которое он принял, оставив навсегда Одессу. После его отъезда Александр Федорович Маньковский сменил

*** Адресная и справочная книга г. Одессы «Вся Одесса на 1906 год». Издание Л.А. Лисянского, с. 120.

**** РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 2683. л. 33. По семейным воспоминаниям, Мария Маньковская была католичкой, и это вне всякого сомнения (ее приходом был костел Св. Иосифа в Софии). Проживая в Болгарии, с родственниками со стороны отца она свободно говорила по-польски, по-французски, по-русски и по-немецки.

его на посту декана медицинского факультета. Ректором университета в 1905 году был избран Иван Михайлович Занчевский (1861-1928), профессор по кафедре механики, декан физико-математического факультета.

В атмосфере тогдашнего взлета революционных настроений правые, государственнические взгляды были крайне непопулярны в интеллигентской среде, и придерживавшиеся их должны были обладать определенным рода мужеством. На неугодных правых профессоров обрушились оскорбления, угрозы и попытки изгнать их решением взбунтовавшихся учащихся. В Новороссийском университете все прелести революционной анархии проявились особенно сильно, но здесь же, пожалуй, революция получила и наиболее смелый и последовательный отпор. Первой антиреволюционной реакцией явилась «Телеграмма 24 одесских профессоров», напечатанная 17 февраля 1905 года в газете «Новое время», ставшая ответом на воззвание основателей академического союза, приглашавшего профессоров и младших преподавателей принять участие в «освободительном движении». «Мы, – говорилось там, – не находим достаточно ярких и сильных слов, чтобы выразить горячий протест против вовлечения университетов, имеющих свои высокие задачи, в чуждую им сферу политической борьбы». В университете формируется Коалиционный совет, который стал органом студенческого самоуправления, который «руководил политической жизнью всего Новороссийского студенчества».*

В 1907 году либерал Занчевский был снят с должности ректора. Главой университета с 1908 года становится профессор Сергей Васильевич Левашов, активный участник русского национально-монархического движения, пользовавшийся полным доверием и поддержкой со стороны одесского градоначальника генерал-майора Толмачева. Для организации порядка в аудиториях и пресечения политических провокаций в университет вводятся переодетые городовые и сыщики. А.Ф. Маньковский, профессора Казанский, Курдиновский,

* Революционное гнездо. Из истории Новороссийского университета. Дело ректора Занчевского и проректора Васьковского. – СПб, 1909.

Катков, секретарь совета Герич, создают прочное реакционное большинство в составе совета университета. Их взгляды разделяли и некоторые студенты, известные в то время под кличкой «союзники». Основная студенческая масса протестует против такого положения, устраиваются демонстрации, сходки. Коалиционный студенческий совет выдвигает требования немедленной очистки университета от агентов полиции, отставки Левашова, новых свободных выборов ректора.** Для пополнения рядов «прогрессивной молодежи» здание храма науки было наводнено различным темным элементом, тут же принимаемым в число «вольнослушателей». Прямо в университете революционная масса была вооружаема как литературой, так и непосредственно оружием. Снабжал студентов револьверами и патронами носитель хорошо известной в Одессе фамилии – преподаватель Щепкин, улица Елисаветинская, проходящая вдоль университета, еще недавно носила его имя. Сознательная революционная масса, взбуряемая борьбой и восстаниями, не удерживалась даже от открытого разврата. Так, на следствии профессор Алмазов показал следующее: «Толпа, наполнившая университетские помещения, ничем не стеснялась, и порой эти помещения обращались в клозеты, а клозеты в места для удовлетворения половых инстинктов»***

В феврале 1909 г. состоялся громкий процесс по делу бывшего ректора Новороссийского университета И.М. Занчевского и проректора Евгения Владимировича Васьковского, обвинявшихся в ненадлежащем исполнении своих прямых должностных обязанностей и отправке в Санкт-Петербург заведомо ложных сведений о реальном положении дел во вверенном им университете. Симпатии прогрессивной общественности всецело были на стороне профессоров, для их защиты были привлечены лучшие на то время силы: член Государственной думы В.А. Маклаков, О.Я. Пергамент, профессор князь Е.Н. Трубецкой. Однако вскрытые в ходе следствия факты наглого хо-

** http://almanah-dialog.ru/archive/archive_3-4_2/av5

*** «Революционное гнездо». Из истории Новороссийского университета. Дело ректора Занчевского и проректора Васьковского. СПб., 1909, с. 91.

заяничанья в лихолетье 1905-1907 гг. в Новороссийском университете революционных элементов при прямом попустительстве университетских властей были столь очевидными, что избежать обвинительного приговора им не удалось: Е.В. Васьковский был отрешен от должности, а И.М. Занчевский 24 мая 1909 г. и вовсе исключен с государственной службы по приговору судебного присутствия Уголовного кассационного департамента Сената. В Русском биографическом словаре сказано, что причиной отрешения от должности было непринятие репрессивных мер против студентов в 1905-1906 годах. Дело получило большой общественный резонанс.

Несмотря на успокоения общества в период премьерства Столыпина, Маньковскому не могли забыть его правых взглядов. На его лекциях то и дело случались провокации. Так, например, две похожих «акции» прошли подряд 7 и 9 февраля 1911 года. Интересна суть этих акций – об этом мы можем узнать из рапорта, подписанного исполняющим обязанности полицмейстера Доливо-Добровольским и направленного начальнику Одесского управления жандармерии:

«Сего числа в 9 часов утра в малой аудитории медицинских лабораторий на Ольгиевской улице происходили занятия со студентами 2-го курса, явившимися в числе 70 человек. Лекцию читал профессор Маньковский. В 10 часов утра был объявлен перерыв, и все студенты вышли на площадку прогуливаться, причем, как заявил помощник смотрителя зданий медицинских лабораторий г. Бечаснов, среди них заметно было некоторое волнение. Зайдя в аудиторию, г. Бечаснов ничего подозрительного не заметил. В 10¼ час. был дан звонок, и все студенты направились в аудиторию, куда вскоре пришел профессор Маньковский. В аудитории стали закрывать окна, так как предполагалось демонстрация картин, и как только стало темно, один из студентов, впоследствии был обнаружен и оказался Георгием Григорьевичем Элиавой, начал кричать: «Товарищи, призываю к забастовке, прекратим занятия». В аудитории поднялся страшный шум, и в это время один из студентов, но кто именно, пока не установлено, бросил на пол колбочку с какой-то жидкостью, после разби-

тия которой распространился невыносимый запах в аудитории, причем с двумя студентами сделалось дурно, и для приведения их в чувство была вызвана карета скорой помощи. Между тем шум в аудитории продолжался. Профессор стал просить успокоиться, но студент Элиава продолжал кричать «долой полицию», причем бросился с кулаками на помощника смотрителя Бечасного, но городской Злачевский, знак № 679, не допустил насилия. Профессор Маньковский предложил встать тем студентам, которые желают заниматься, но Элиава опять стал кричать «сидите», в чем ему особенно помогал студент Аркадий Петров Машкин, который также кричал: «долой полицию, долой проректора Алмазова». Профессор Маньковский, видя, что студенты не успокаиваются, оставил аудиторию, откуда сейчас же вышли все студенты, так как сильный удушливый запах распространился по всей аудитории. Студенты Элиава и Машкин были тут же арестованы и обысканы, а затем доставлены в Херсонский участок. На квартире у них будут произведены обыски, о результатах которых последует особое донесение.

После производства химической обструкции и арестовании двух вышепоименованных студентов, все остальные студенты были переведены в другую аудиторию, где лекция профессора Маньковского продолжилась...».*

Через два дня, 9 февраля, снова на лекции Маньковского, уже другой студент – Александр Критопуло – произвел еще одну «химическую обструкцию», причем тщательно продуманную, – тот самый сосуд, который в отчете полицмейстера назван «колбочкой», был, как следует из полицейского отчета, прикрыт «большим куском ваты», для того чтобы не осталось на подошве следов, когда студент давил «колбочку» с удушливым газом.

Несмотря на все эти перипетии в стране и в родном для него университете, продолжались научная деятельность и карьерный рост Александра Федоровича. В 1907-1909 годах Алек-

* Центральный Державный исторический архив Украины, Киев (ЦДИАУК), ф. 385, Жандармское управление города Одессы, оп. 1, ч. 3, д. 2527, л. 1-17; д. 2529, л. 7.

сандр Федорович Маньковский работал секретарем медицинского факультета Новороссийского университета, а в 1907-1910 – заместителем проректора университета. Летом 1909 он выехал в заграничную командировку для ознакомления с учебным процессом на медицинском факультете в университете Каира. В этом же году он принимал участие в Международном съезде врачей в Австро-Венгрии, в Будапеште. В 1900-е годы он состоял в VI классе по Табели о рангах, в чине коллежского советника. Это соответствовало званию полковника, или капитана 1-го ранга, официальное обращение к носителю такого титула было «ваше высокоблагородие». Такой чин награждался личным дворянством, то есть дворянином был носитель этого чина, но он не мог передать дворянство по наследству. Любые перемены по службе при чине коллежского советника оформлялись только по высочайшим указам. По общему правилу, чиновники VI класса получали пенсioen в размере 214 рублей 50 копеек без вычетов и 210 рублей 15 копеек за вычетом. Оклад составлял от 600 до 750 рублей, а также выделялись средства на содержание 5 лошадей. В 1908 году Александр Федорович уже ординарный профессор, заведующий кафедрой гистологии и лаборатории общей патологии медицинского факультета. В 1910 году Александр Федорович Маньковский – профессор, член Общества содействия академической жизни Императорского Новороссийского университета, член Общества русских врачей. Примерно в 1908-1909 гг. он был произведен в статские советники – чин V-го класса Табели о рангах, что соответствовало должности вице-директора департамента, но еще не давало права на потомственное дворянство. В 1911 году Александр Федорович становится преподавателем на недавно организованных Высших женских медицинских курсах, где в 1913 году входит в состав педагогического совета курсов.

Однако вскоре всему этому пришел конец – пришел 1917-й год. После событий февраля 1917 деятельность Александра Федоровича в университете столкнулась с огромными трудностями. Безусловно, ему опять вспомнили его правые убеждения.

Осенью 1917 года прошло общестуденческое собрание, во время которого студенты объявили бойкот лекций профессо-

ра Маньковского и решили воспрепятствовать Маньковскому в проведении лекций.*

«Русское слово» описывает те события и манеры тогдашней борьбы:

«Скандал на женских медицинских курсах. Одесса, от нашего корреспондента.

На женских медицинских курсах разыгрался невероятный скандал. Профессор Маньковский, бойкотируемый студентами по обвинению в причастности к охранке, возобновил лекции, поддерживаемый группой в пятьдесят слушательниц. Остальные курсистки при помощи студентов пытались сорвать лекцию. Произошла свалка: курсистки вцепились друг другу в волосы, на студентах порваны мундиры и покусаны руки, у некоторых – вывихи. Крики истерики слышались на улице. Случайно явившийся по частному делу военно-окружной комиссар Временного правительства Харито с трудом прекратил дебош. Маньковский и слушательницы заперлись, никого не пропуская. Маньковский отказывался открыть двери, пытаясь вести переговоры с Харито через двери. После заявления Харито, что неудобно представителю Временного правительства переговариваться через двери, Маньковский запустил его. Выяснив положение, Харито убедил Маньковского отказаться от чтения лекций впредь до окончания дела о нем, разбираемого студенческой комиссией».**

Далее случился октябрь 1917. В стране ломалось все, в том числе и система образования. Должности ректора и проректоров упразднили. В качестве управляющего университетом органа был создан революционный студенческий совет. Ученый совет перестал действовать. Большая часть профессорско-преподавательского состава отказалась от сотрудничества с советской властью, за что множество профессоров были уволены, в том числе и Маньковский.

Оставшись без средств к существованию и перспектив на будущее, Маньковский в 1919 году был вынужден навсегда покинуть Одессу.

* К.П. Добролюбский, Одесский университет за 75 лет (1865-1940). Одесский государственный университет имени И.И. Мечникова, 1940.

** РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 289, л. 57.

Будучи поляком по происхождению, владея польским языком, Александр Федорович Маньковский думал связать свою судьбу с Варшавским университетом – Польша как раз вновь стала самостоятельным государством, и угрозы большевизма там не просматривалось. Очевидно, покинуть Одессу Александр Федорович смог только через Болгарию, где и остановился, в Софии. Болгария в то время находилась в разобранном состоянии – напомним, она выступила в первой мировой войне на стороне Германии, и соответственно, была на стороне проигравших. Но, подписав ряд унижительных договоров, включавших в себя и разоружение армии, и отдачу некоторых территорий, болгары подумали о том, что может спасти и объединить страну, – об образовании, науке и культуре. Но вскоре при попытках создать собственные научные центры выяснилось, что Болгарии очень не хватает квалифицированных научных кадров.

В 1919-1920 гг. профессор Маньковский получает предложение Софийского университета возглавить, а фактически создать кафедру гистологии и эмбриологии, что происходило в трудных условиях, зачастую за собственные деньги профессора. Позднее кафедра гистологии и эмбриологии вылилась в отдельный одноименный институт в Болгарии, создателем которого также был Александр Федорович Маньковский, продолжавший свою деятельность на благо болгарской науки вплоть до 1929 года.

Институт часто посещают иностранные специалисты и ученые. Приезжали и представители Фонда Рокфеллера. Впечатленные сделанным, после своего возвращения в Америку они послали в Болгарию эпидиаскоп, целую коллекцию стекол для препаратов и экспонаты для музея. Общая стоимость подарка превышала 1 миллион левов. Для создания музея эмбриологии использованы материалы, собранные в организованных профессором Маньковским научных экспедициях по стране, при посещении больниц были получены эмбрионы в разных стадиях развития и патологоанатомические препараты.

Огнян Пунев писал в статье «Зарубежная Россия. Профессор Александр Федорович Маньковский»: «Александр Федо-

рович Маньковский является частью знаменитой плеяды русских врачей, ученых и педагогов, которые становятся частью болгарской науки, просвещения и культуры и вносят огромный вклад в ряд областей, часть из которых не могла бы быть разработана на высоком уровне до их появления в Болгарии»*.

За заслуги болгарский царь Борис III наградил Александра Федоровича Маньковского орденом Св. Александра III степени.

Такова краткая история того, как, к сожалению, Одесса потеряла, а Болгария приобрела выдающегося ученого и администратора профессора Александра Федоровича Маньковского.

Александр Федорович Маньковский умер 20 января 1946 г. в селе Певокладене, куда семья была эвакуирована в связи с бомбардировкой Софии.

Авторы выражают благодарность Марии Горбань
за помощь в подготовке материала
Варшава – Одесса

---

* Russkayagazeta.com Зарубежная Россия. Проф. Александр Федорович Маньковский. 2005.